

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 100–113.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 100–113.

Научная статья
УДК 321:94(470)“19/...”
doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.009

СОВЕТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ И В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ

Летняков Денис Эдуардович

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва,
Россия

letnyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>

Аннотация. Сегодня, по мере осознания кризиса представительной демократии, растет запрос на поиск ее институциональных альтернатив. Именно в этом контексте автор предлагает посмотреть на феномен российских советов. Тот факт, что на протяжении десятилетий они служили фасадом для однопартийной диктатуры в СССР, обычно оставляет в тени другую часть их истории – возникновение советов в ходе двух русских революций начала XX в. как органа низовой самоорганизации и коллективного действия. В статье анализируется история советов от их появления в 1905 г. и до выхолащивания их демократического содержания в период Гражданской войны. Далее предметом рассмотрения становится политико-философская рефлексия по поводу опыта советов в трудах Х. Арндт, К.Б. Макферсона и А. Каллиникова. Арндт видит в советах проявление демократического творчества масс, которое дает участникам возможность прямого политического действия. Макферсон обращается к истории советов, формулируя свою концепцию «демократии участия». Для Каллиникова советы важны, среди прочего, как эффективная форма самоорганизации граждан на рабочем месте. Все это позволяет заключить, что история советов представляет несомненный интерес для современной демократической теории, озабоченной дисфункциональностью репрезентативной системы.

Ключевые слова: теория демократии, кризис демократии, советы, Русская революция, прямая демократия, производственная демократия, Х. Арндт, К. Б. Макферсон, А. Каллиников, большевизм

Благодарности: исследование подготовлено в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2026-0003 «Взаимодействие историко-культурных традиций и глобальных тенденций: устойчивость и трансформации ценностей в мировой истории»).

Для цитирования: Летняков Д. Э. Советы в политической практике русских революций и в современной теории демократии // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 100–113. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.009>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

SOVIETS IN POLITICAL PRACTICE OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS AND IN CONTEMPORARY DEMOCRACY THEORY

Denis E. Letnyakov

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
letnyakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7936-7013>

Abstract. Today, as the crisis of representative democracy becomes increasingly acknowledged in political theory, there is a rising demand for alternative institutional frameworks. In this context, the author delves into the phenomenon of the Russian Soviets. While this institution often served as a mere façade for the one-party dictatorship in the USSR for decades, it also conceals another significant aspect of its history: the Soviets' emergence during the two Russian revolutions as a manifestation of grassroots self-organization and collective action by the masses. This article examines the history of the Soviets from their inception in 1905 to the erosion of their democratic essence during the Civil War. The author also engages with the theoretical insights on the Soviet experience offered by H. Arendt, K. B. Macpherson, and A. Callinicos. Ultimately, the conclusion drawn is that the history of the Soviets holds substantial relevance for contemporary democratic theory, which grapples with the dysfunctions inherent in the representative system.

Keywords: democratic theory, crisis of democracy, Soviets, Russian revolution, direct democracy, industrial democracy, H. Arendt, K.B. Macpherson, A. Callinicos, Bolshevism

Acknowledgments: the article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: FZNF-2026-0003).

For citation: Letnyakov D. E. Soviets in Political Practice of the Russian Revolutions and in Contemporary Democracy theory. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 100–113. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.009> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

История России первой четверти XX в., если и рассматривается в контексте какого-то опыта демократии, то он связывается обычно с борьбой российского общества за Конституцию, с последующей деятельностью Государственной думы и началом институционализации политических партий, а также с коротким периодом политической эмансипации, который продолжался от свержения самодержавия до разгона большевиками Учредительного собрания. Между тем в обозначенный период в России возник еще один политический институт, о котором вспоминают гораздо реже, когда речь заходит об отечественной (прото)демократической традиции, – речь идет о советах. Причина понятна: после 1917 г. советская власть довольно быстро перестала на деле быть властью советов, последние прочно ассоциируются с историей однопартийной автократии в СССР, для которой пирамида выборных органов служила лишь фасадом. Эта ситуация начала меняться только на излете перестройки, когда решения XIX партийной конференции (1988) инициировали процесс освобождения советов от диктата КПСС, впрочем, так и оставшийся незавершенным по причине скорого краха всей политической системы.

И все же у истории советов есть и другая сторона. Мы имеем в виду их возникновение в ходе революции 1905–1907 гг. как органа самоорганизации масс, а затем их второе рождение в этом же качестве во время Февральской революции. Этот короткий период не менее значим и уж точно гораздо более интересен для исследователя, чем те десятилетия, в ходе которых советы выступали прикрытием для полновластия РКП(б) – ВКП(б) – КПСС.

Данная статья, однако, не является историческим исследованием. Ее цель состоит в том, чтобы выявить, в какой степени опыт советов может быть актуальным для современной демократической теории, которая в последние десятилетия озабочена кризисом либеральной демократии. В частности, много говорится о сокращении доверия общества к базовым институтам политической системы [24], катастрофическом падении членства в партиях [12, с. 68], снижении явки на выборах [23, р. 6; 28, р. 740], разочаровании граждан в мейнстримных политических силах (отсюда феномен правого и левого популизма). К этому добавляется критика процесса «театрализации», «медиатизации» политики – скажем, французский исследователь Б. Манен фиксирует переход к т. н. «аудиторной» демократии, в которой ключевой фигурой

становится «медиаэксперт», специалист по коммуникации с обществом. Граждане превращаются в «аудиторию», которой транслируют определенные месседжи, предлагают сконструированные политтехнологами имиджи кандидатов или партий [14, с. 273–277].

Нам хотелось бы показать, что именно привлекает в опыте советов критиков представительной демократии, и как этот опыт может быть использован для проектов оживления, а возможно и переизобретения демократии сегодня.

Исследование состоит из трех разделов. В первом рассмотрена непосредственно история советов от их появления в качестве института низовой демократии до вырождения в структуру, полностью подконтрольную большевистской партии. Второй параграф посвящен теоретической рефлексии в отношении советов таких авторов, как Х. Арендт, К. Б. Макферсон и А. Каллиникос. В самом конце будут сделаны выводы о релевантности опыта советов задачам критической теории демократии.

Основная часть

Советы как институт коллективного самоуправления

Среди исследователей нет консенсуса по поводу того, когда именно и где впервые возникли советы. По одной из версий, родиной советов может быть назван г. Иваново-Вознесенск (нынешний Иваново). Ее отстаивает, например, А. И. Губарь, описывая, как в ходе подготовки к стачке в мае 1905 г. местные рабочие на общегородском митинге решили создать совет уполномоченных как «революционный орган для непосредственного руководства забастовкой» [6, с. 30]. Другой историк, Т. Шанин, начинает историю советов с создания Совета рабочих депутатов в Санкт-Петербурге в условиях Всероссийской политической стачки октября 1905 г., когда в целом по стране бастовало от 1,5 до 2,0 млн человек, требуя от царизма конституционных реформ [18, с. 85]. В свою очередь, В. Волин (Эйхенбаум), анархист и непосредственный участник обеих русских революций, настаивает на том, что первый Совет рабочих делегатов возник в Петербурге уже в январе – феврале 1905 г. [4, с. 60–71]. Согласно его изложению, толчком к появлению совета стала массовая забастовка петербургских рабочих, бывшая реакцией на «Кровавое воскресенье». Стачка вызвала потребность в координирующем органе, который – в отсутствие легальных профсоюзов – взял бы на себя задачу коммуникации между рабочими разных предприятий, распределения денег, собираемых в пользу бастующих и т. д. По словам Волина, совет в течение нескольких недель проводил регулярные заседания, а также выпускал информационный листок под названием «Известия Совета рабочих делегатов». Затем из-за преследования властей деятельность совета была прекращена, но возобновилась уже в октябре того же года.

Как бы то ни было, мы можем зафиксировать два принципиально важных тезиса, которые, насколько мне известно, не оспаривает кто-либо из историков русской революции: 1) советы возникают в 1905 г. в условиях острого политического кризиса и вовлечения широких масс в борьбу за свои права и интересы; 2) советы становятся спонтанной, низовой формой самоорганизации российского «плебса» (в первую очередь, рабочего класса).

На втором тезисе хочется остановиться особо. И Волин, и Шанин подчеркивают, что различные политические организации не играли решающей роли в создании Советов; более того, деятельность советов на первых порах нередко встречала скептическую реакцию со стороны многих левых, в т. ч. большевиков. Последние даже планировали бойкотировать работу Петербургского совета [15, с. 631]. Это не удивительно, если мы вспомним ключевые положения ленинской работы «Что делать?» (1902), в которой проводилась идея революционной партии как авангарда рабочего класса, самого по себе слишком несознательного и оппортунистически настроенного. Будучи формой самоорганизации «низов», советы имели, по точному замечанию Шанина, «привкус той стихийности, против которой так резко выступала в свое время группа “Искры”» [18, с. 135]. На «стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и функционировании» советов прямо указывает Ленин в своей работе

1906 г. [10]. Сказанное не означает, что левые партии вовсе устранились от участия в деятельности советов: так, председателем Петербургского совета рабочих депутатов осенью 1905 г. был Л. Троцкий, близкий тогда к меньшевикам, однако не им принадлежала инициатива в этом процессе. Сам Троцкий, формулируя отличия советов от организаций, которые ранее возникали в рабочей среде под руководством профессиональных революционеров, скажет, что последние были «организациями в пролетариате», тогда как советы стали «организацией [самого] пролетариата» (курсив в оригинале) [17, с. 186].

Таким образом, советы появляются как орган политического творчества масс в отсутствие или при явной слабости легального рабочего движения, профсоюзов, партий и иных структур гражданского общества. И надо сказать, что способность рабочих к самоорганизации оказалась действительно впечатляющей. Петербургский совет насчитывал 562 депутата, которые представляли 147 предприятий, 34 мастерских и 16 профсоюзов города. Помимо общегородского совета, аналогичные институты действовали и в каждом из семи столичных районов, а самым нижним уровнем, который был создан на отдельных предприятиях, стали фабричные и заводские комитеты. В итоге формируется пирамидальная структура (фабрично-заводские комитеты → районные советы → Петербургский совет), которая станет отличительной чертой системы советов: каждый уровень здесь имеет автономию в решении определенных вопросов, а также право делегировать выше депутатов по определенной квоте. Похожим образом функционирует и Московский совет рабочих депутатов, созданный в конце ноября 1905 г. [6, с. 32].

Создание советов продемонстрировало качественный скачок в процессе самоорганизации масс. И дело не только в том, что в ходе революции по всей стране возникло более 60 советов, география которых простиралась от подмосковных Коломны и Орехово-Зуева до Читы, Баку, Одессы и Киева. Не менее важно и другое. Если прежние стачечные комитеты, из которых и вырастает идея советов, объединяли рабочих одного предприятия или, в лучшем случае, группы предприятий и выдвигали, как правило, сугубо экономические требования, то советы, во-первых, выходят за рамки экономической повестки, добываясь от властей свободы прессы, Конституции, всеобщей амнистии и, во-вторых, рассматривают себя как орган, защищающий классовые интересы всего российского «плебса». Так, в октябре 1905 г. Петроградский совет выражает солидарность с восставшими кронштадскими матросами, а в Иваново-Вознесенске представители местного совета помогают крестьянам Шуйского уезда организовать экспроприацию помещичьей земли [22].

Окончание революции 1905–1907 гг. означало и прекращение деятельности советов, однако в 1917 г. российское общество снова обращается к уже опробованным ранее формам самоорганизации: после свержения самодержавия советы возникают в разных российских городах, в Петрограде это происходит уже в самые первые дни Февральской революции.

Как известно, Петроградский совет, в котором доминировали левые силы (изначально меньшевики и эсеры), становится альтернативным органом власти по отношению к Временному правительству, оппонировав последнему по целому ряду вопросов. На Петросовет ориентируется и целая сеть советов в других городах, причем речь шла не о выстраивании какой-то жесткой иерархии, а скорее о роли Петросовета в качестве общероссийского координационного центра. По сравнению с событиями 12-летней давности число советов выросло на порядок – весной 1917 г. их было около 600 по всей стране. Известный специалист по истории Русской революции А. В. Шубин, описывая возрождение советов в 1917 г., делал акцент на их низовом характере: в условиях острого кризиса власти рабочие массы через советы пытались найти «баланс демократии, свободы и дисциплины», а также решить насущные проблемы, вроде продовольственного кризиса. Как и в 1905 г., советы формировались снизу вверх делегатами от фабрик, заводов и – в этом было принципиальное новшество – воинских частей. В ситуации паралича прежних управленческих структур

советы нередко становились главным локусом власти на местах. Скажем, Кронштадтский совет, в котором доминировали большевики и левые эсеры, взял на себя полномочия по избранию командного состава базирующегося в городе флота, принял решение о переводе местных предприятий на 8-часовой рабочий день, ввел карточки на хлеб и обувь и даже занялся регулированием нравственности: инициировал меры по борьбе с пьянством и порнографией, и зачем-то запретил танцы [20, с. 76].

Структура советов постепенно усложнялась, одновременно делались попытки ее упорядочивания. Так, была введена практика предварительного обсуждения разных вопросов на заседаниях профильных секций советов, начала формироваться общероссийская система советов: с 29 марта по 3 апреля 1917 г. прошло Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Уже знакомую нам пирамидальную структуру создают и советы крестьянских депутатов: волостные (туда избирается 1 делегат от 100 крестьян) → уездные → областные советы.

Где-то советы сосуществовали с земствами и городскими думами, а где-то – пытались отвоевать себе полную автономию. Например, в мае 1917 г. Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов отказался присягать Временному правительству и объявил себя, по праву «революционного самоуправления», «единственной властью в г. Кронштадт». Некоторые лидеры Кронштадтского совета ориентировались на федералистские проекты общественного устройства, предполагавшие самую широкую автономию местных сообществ. Так, левый эсер А. Брушвит заявил, что «центральная власть не имеет ни малейшего права распоряжаться жизнью отдельной территориальной единицы, не имеет права издавать решения, которые касаются не всего государства, а отдельной ячейки» [20, с. 78]. В конце концов, стороны договорились о том, что в Кронштадте будет находиться представитель Временного правительства, предварительно одобренный местным советом, что хотя бы формально возвращало город под юрисдикцию центра.

Позиция Ленина в 1917 г. заключалась в поддержке советов, причем не только как органов революционной борьбы, но и как институтов, имеющих все шансы стать основой для «нового типа государства» [15, с. 652]. В «Апрельских тезисах» лидер большевиков прямо заявляет, что установление парламентской республики в России было бы «шагом назад» по сравнению с Республикой Советов – куда более демократичной, чем любая «буржуазная демократия». В работе «Государство и революция» (написана в августе – сентябре 1917 г.) Ленин продолжает доказывать необходимость замены буржуазного государства радикальной формой демократии – «государством-коммуной». Референтной моделью для него, как и для Маркса с Энгельсом, оказывается Парижская коммуна, но помимо этого Ленин апеллирует и к советам, которые «в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны» [20, с. 78].

Взяв власть в свои руки, большевики поначалу действительно опирались на систему советов, тем более что к октябрю 1917 г. процесс «большевизации» этих органов обеспечил им там численный перевес. На II Всероссийской съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, проведенном сразу после Октябрьского вооруженного восстания, было провозглашено, что власть на местах полностью переходит к советам, прежние же органы упраздняются [20, с. 78]. 24 декабря 1917 г. было обнародовано обращение наркома внутренних дел Г. Петровского «Ко всем Советам рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов». Документ сообщал, что отныне «вся страна должна покрыться целой сетью советских организаций, которые должны находиться в тесной организационной зависимости между собой. Каждая из этих организаций, вплоть до самой мелкой, вполне автономна в вопросах местного характера, но соотносит свою деятельность с общими декретами и постановлениями центральной власти и с постановлениями тех более крупных советских организаций, в состав которых она входит. Таким путем создается связный, во всех своих частях однородный организм – Республика Советов» [19, с. 9].

Американский журналист и революционер Дж. Рид, ставший свидетелем революции 1917 г., описал принцип функционирования Петроградского совета сразу

после захвата власти большевиками следующим образом: он состоял примерно из 1 200 делегатов, которые собираются на пленарные сессии раз в две недели; в перерывах между ними действовал исполком в составе 110 человек, в него входили в т. ч. представители от разных политических партий, профсоюзов и других общественных организаций; на местах действуют районные советы, делегирующие своих депутатов в Петросовет. «Чрезвычайная гибкость» советской системы, заметил Рид, позволяет заседать в Советах не только делегатам от фабрик и заводов, но и, например, от поваров, официантов, дворников и извозчиков – в случае, если последним удастся сорганизоваться на уровне района и потребовать для себя представительства. Делегаты подчинялись императивному мандату, т. е. могли быть отозваны избирателями в любой момент. Скажем, после расстрела отрядами Красной гвардии демонстрации в поддержку Учредительного собрания «в течение двенадцати часов состав Петроградского совета изменился. Более десяти большевистских депутатов были выведены из его состава и заменены меньшевиками», – такова была реакция возмущенных избирателей [31].

Конечно, советы революционного периода не стоит идеализировать. Тот же Шубин отмечал, что реальная власть, как правило, концентрировалась в исполкомах или даже в президиумах, а рядовые члены зачастую имели возможность только обсуждать разные вопросы. Делегаты в советы часто не обладали необходимой компетенцией и управленческим опытом. Советам была свойственна общая хаотичность функционирования. И все-таки демократический потенциал в этом институте, очевидно, присутствовал. Однако вектор политического развития вскоре пошел не в сторону «государства-коммуны», а в совершенно противоположном направлении.

С начала 1918 г. большевики взяли курс на все более плотный контроль за советами. В Петрограде зафиксированы случаи разгона красногвардейцами рабочих собраний, на которых большевики не получают достаточной поддержки; на III Всероссийском съезде Советов (январь 1918) система выборов была перестроена так, чтобы дать численное преимущество солдатам над рабочими и крестьянами [20, с. 81]. С весны 1918 г. некоторые советы отказались допускать на свои заседания критически настроенных по отношению к большевикам депутатов (такие примеры были в Саратове) или же приняли постановления об исключении из своих списков «граждан, позволяющих себе противоправительственные, хотя бы словесные, выступления» (Калуга) [19, с. 13–14]. Одновременно менее демократичными становятся и правила функционирования советов: летом 1918 г. Петросовет во главе с Г. Зиновьевым отменяет принцип императивного мандата. К тому же в условиях начавшейся Гражданской войны на городском и губернском уровнях были созданы революционные комитеты (ревкомы), действовавшие независимо от советов, – фактически это была параллельная система власти, централизованная и полностью замкнутая на большевистскую партию. В итоге можно констатировать, что к моменту принятия Конституции РСФСР в июле 1918 г. советы уже де-факто превратились в фасад, прикрывающий политическую гегемонию РКП(б).

Существуют две противоположные точки зрения по вопросу об отношении Ленина к демократии вообще и к советской демократии в частности. Согласно первой из них большевики изначально представляли авторитарную линию в русской революции. Здесь можно упомянуть Н. А. Бердяева, полагавшего, что власть коммунистов соответствует давним традициям русского самовластия, а Ленин – архетипичный для России правитель-деспот [2]. Похожим образом рассуждал классик американской русистики Р. Пайпс, для которого СССР был лишь реинкарнацией «традиционной России», в т. ч. историческая преемственность касалась и этатистской модели властвования, унаследованной большевиками от царизма [29]. Упомянувшийся В. Волин видел в русской революции столкновение двух течений: низового, демократического, которое воплощали собой прежде всего анархисты, и государственно-авторитарного, которую автор связывал с большевиками, сознательно душившими все низовые движения и гражданские инициативы.

Другое мнение состоит в том, что диктатором Ленин стал лишь в силу чрезвычайных обстоятельств, созданных революцией и Гражданской войной [8; 30]. Эта точка зрения может быть описана следующим образом: до своего прихода к власти Ленин стоял на радикально-демократических позициях, заложенных в марксизм еще его отцами-основателями. Маркс и Энгельс, а за ними и Ленин, неоднократно критиковали буржуазную демократию за ее олигархический, ограниченный характер – по факту она осталась правлением привилегированного меньшинства, которое время от времени обновляет свою легитимность с помощью процедуры выборов¹. Альтернатива виделась прежде всего в Парижской коммуне, которая впервые попыталась реализовать политическую модель, где профессиональная армия заменяется «вооруженным народом», устанавливается демократический контроль над полицией и чиновниками («полная выборность и сменяемость всех должностных лиц»), для последних еще и отменяются особые привилегии («общественная служба должна исполняться за заработную плату рабочего»); вводится всеобщее избирательное право и возможность отзыва депутата в любое время. Иными словами, речь идет о расширении демократии на все сферы жизни, о все большем вовлечении масс в управление, так что государство в определенный момент превращается уже в «нечто такое, что уже не есть собственно государство» [9, с. 65]. Именно в этом смысле советы «продолжают дело Коммуны», способствуя постепенному отмиранию государства. Однако к весне 1918 г. взгляды Ленина кардинально сменились: в ситуации экономического коллапса, падения дисциплины на предприятиях и начала Гражданской войны он объявляет об «отступлении от принципов Парижской коммуны»: советы стали все более управляемыми, руководство экономикой было передано Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ), внутри самой партии осталось все меньше пространства для дискуссий, резко увеличилась репрессивная составляющая режима.

Однако вне зависимости от того, насколько искренними были демократические воззрения лидера большевиков, приходится признать, что путь советов от органа самоорганизации рабочих масс до института, прочно встроенного в режим однопартийной диктатуры, был достаточно коротким. Тем не менее, советы вызывали и продолжают вызывать интерес многих политических теоретиков. О причинах этого пойдет речь в следующем параграфе.

Теоретическое осмысление опыта советов: Арендт, Макферсон, Каллиникос

Советы достаточно рано становятся предметом активной теоретической рефлексии – помимо уже процитированных выше Троцкого и Ленина, к опыту советов обращались, например, Р. Люксембург [11] или А. Грамши [5]. Марксистские авторы, безусловно, ценили в советах их демократический потенциал, но все же советы интересуют их прежде всего как органы революционной борьбы. Я же хочу далее сфокусироваться на той линии в левой политической теории, которая ищет в советах альтернативу либеральной демократии.

Начать стоит с Х. Арендт – с мыслителя, много размышлявшего о кризисе репрезентативной демократии еще в начале 1960-х гг. Этот кризис Арендт связывала с бюрократизацией управления, с массовой деполитизацией, с исчезновением политики как процесса общения каждого с каждым по поводу общего блага [3]. «Самое большее, на что могут надеяться граждане, – отмечала Арендт, – это на то, чтобы быть “представленными”» [1, с. 374]. Это означает сохранение асимметрии между элитами и народом: «Даже там, где не нарушена коммуникация, общение между представителем и избирателем, между нацией и парламентом... это общение не между равными, но между теми, кто стремится править, и теми, кто соглашается, чтобы им правили» [1, с. 386]. Система представительного правления олигархична – в том

---

¹ «Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять... народ в парламенте, – вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках», – писал Ленин в «Государстве и революции» [9, с. 71].

смысле, что это правление меньшинства, которое сделало политику своей «профессией и карьерой». Политический истеблишмент либеральных демократий, конечно, менее закрытый по своей природе, чем правящий класс при «старом порядке» или в современных диктатурах, однако народ все равно не является здесь полноценным участником политической жизни, а потому публичная свобода остается «привилегией немногих». Апелляция политиков к тому, что они в своих решениях руководствуются общественным мнением, не убеждает философа. С ее точки зрения, в ситуации гражданской апатии, отсутствия политики как «общего дела», никакого общественного мнения быть просто не может: «Мнения выявляются только в процессе открытой дискуссии и публичных дебатов, и там, где не существует возможности для обмена мнениями, могут иметь место лишь настроения – настроения масс и настроения отдельных лиц, последние не менее неустойчивы и ненадежны, чем первые» [1, с. 374].

В поисках подлинной политики Арендт обращалась к истории великих революций Модерна. И здесь советы находятся для нее в одной связке с революционными обществами и политическими клубами времен Французской революции, секциями Парижской коммуны или американскими городскими собраниями (*township meetings*) периода Войны за независимость (она же Американская революция).

Советы образца 1905 и 1917 гг. ценны для Арендт тем, что это были «спонтанно сложившиеся органы народного управления», которые возникли независимо от революционных партий и политических лидеров. Арендт назвала их «новым публичным пространством для свободы, конституированным и организованным в ходе самой революции» [1, с. 347]. Советы создавали возможность прямого действия, непосредственного участия каждого человека «в публичных делах». Здесь можно вспомнить, что в некоторых городах (например, в Иваново-Вознесенске) заседания советов проходили в форме публичного митинга, к которому мог присоединиться любой желающий. Попасты в советы можно было через «самоотбор в низовых политических органах, спонтанность, обоснованность личным доверием» [1, с. 388–389].

Арендт противопоставляет советы партийной политике, которая ассоциировалась у нее с бюрократизмом. Партия – это воплощение профессиональной, технократичной политики, в которой решения принимают те, кто «обладают знаниями». Партия всегда ориентируется на определенную идеологию и программу, которую составляют «готовые формулы», требующие не творчества, не свободного действия, а всего лишь «энергичного проведения [их] на практике» [1, с. 368]. Кроме того, партии обладают монополией на выдвижение кандидатов на государственные должности, уже поэтому их нельзя рассматривать как органы народовластия (легитимировать власть политического класса посредством выборов и править самому – это совсем не одно и то же). Что касается депутатов советов, то они были делегированы туда равными себе (вспомним опять пирамидальную структуру, где на каждом этаже участники ассамблей выбирают среди себя кого-то, кто будет представлять их на более высоком уровне) и подотчетны избирателям через систему императивного мандата. В этом смысле советы – еще и наиболее удачная, по мнению Арендт, попытка решить едва ли не самую серьезную проблему современной политики: как «примирить равенство и авторитет»? Иными словами, как соединить идею демократии, основанную на принципе политического равенства, с существованием правящего авторитетного меньшинства.

Именно поэтому, замечает Арендт, партии были враждебны советам – их лидеры, даже сотрудничая с советами, готовы были видеть в них в лучшем случае «временные органы революции», нечто экстраординарное и скоротечное; партии стремились управлять советами, с тем чтобы подчинить себе эту спонтанную энергию масс. Партийные лидеры, как профессиональные политики, исходили из того, что целью политики является управление обществом, «благополучие народа», тогда как Советы возрождали политику в ее исходном смысле – как практику участия всех в делах «полиса». С точки зрения Арендт, трагедия Русской революции была в том, что

большевики, столкнувшись в лице советов с чем-то «новым и непредвиденным», предпочли «прибегнуть к испытанным средствам подавления» [1, с. 359]. В результате они построили все тот же иерархически организованный государственный порядок, принеся политическую свободу в жертву интересам модернизации, борьбы с отсталостью и бедностью (именно эти задачи Ленин рассматривал как ключевые после захвата власти).

Заметим, что Арендт не редуцировала опыт советов только к истории Русской революции. Для нее советы – это такой «мерцающий» институт свободы, который периодически возникает в революционных ситуациях. И здесь она выстраивает единую линию от Парижской коммуны как органа коллективного самоуправления восставших горожан через революции 1905–1907 и 1917 гг. в России, 1918–1919 гг. в Германии (там, в ходе Ноябрьской революции, также создаются советы рабочих и солдатских депутатов) и до Венгерского восстания 1956 г.¹

Через полтора десятилетия после Арендт к опыту советов обратился известный канадский политический философ К. Макферсон, также обдумывая возможные альтернативы либеральной демократии. Свою концептуальную модель он именуется «демократией участия».

На уровне городского квартала («neighbourhood») или предприятия в своем основании демократия участия должна стать прямой демократией, в рамках которой люди сходятся вместе и обсуждают какие-то вопросы лицом к лицу; выше этого фундамента мы имеем уже «пирамидальную систему с... делегированной демократией на каждом более высоком уровне» [13, с. 162–163]. Другими словами, жители квартала избирают делегатов, которые представляют их в районном или городском совете, члены городского совета могут отправлять депутатов на региональный уровень и т. д. Макферсон здесь прямо обратился к советскому опыту (пишет про «soviet-type structure» [26, p. 113]). Выделяемые Макферсоном преимущества советов перед представительной системой сходны с теми, о которых ранее говорила Арендт: 1) в первом случае люди, делегирующие своих депутатов на вышестоящий уровень, знают их лично, тогда как депутат парламента баллотируется от округа с десятками сотнями тысяч избирателей; 2) делегаты в советы, в отличие от парламентариев, полностью подотчетны своим избирателям: последние дают депутатам «наказ» и могут их отозвать в случае его невыполнения.

Правда, в отличие от Арендт, Макферсон не видел прямой коллизии между системой советов и партийной политикой. Он полагал, что демократия участия вполне совместима с существованием политических партий, поскольку всегда возникают вопросы, по поводу которых общество разделено. Партии – наиболее удобный институт для агрегирования интересов и предпочтений граждан, поэтому его целесообразно сохранить. До лета 1918 г. в советах могли быть представлены разные партии (меньшевики, большевики, эсеры, левые эсеры) [7], так что можно сказать, что эта идея Макферсона не противоречит историческому опыту русской революции.

Наконец, укажу на работу левого британского философа А. Каллиникоса, который в самом начале 1990-х гг., в условиях гегемонии неолиберализма, краха советской системы и распада Восточного блока пытался обосновать необходимость социально-политической альтернативы. Последняя нужна, полагал Каллиникос, поскольку в либеральных демократиях народ представляет собой «пассивный и атомизированный электорат», который в ходе выборов решает, кто будет им править в следу-

---

¹Как отмечает исследователь этого вопроса, первый совет появился уже на следующий день после начала Венгерского восстания – 24 октября в Будапеште. Позже советы возникают и в других городах. Эти органы выдвигают политические и экономические требования, а также ставят вопрос о демократизации процесса управления предприятиями. Нередко рабочие захватывают предприятия и устанавливают на них рабочий контроль – формируют рабочие советы вместо прежней администрации. Также в Венгрии возникают и другие формы советов – локальные (собрания жителей квартала или района), студенческие (в университетах) и т. д. [25].

ющие несколько лет. Но даже такая усеченная демократия ограничивается собственно сферой политики, тогда как на рабочем месте, где люди проводят едва ли не основную часть своей жизни, царит иерархия и неравенство. Подлинная демократия должна охватывать все сферы общества, и потенциал для движения в ее сторону британский философ находит в т. ч. в «богатых традициях советской демократии XX в.» [21, p. 110].

Для Каллиникоса отличительная черта советов как формы демократии – это то, что они основываются не на географическом принципе (как парламентские избирательные округа), а на привязке человека к своему рабочему месту. Ведь основной избирательной единицей советов традиционно был коллектив завода, воинской части, деревни, университета и т. д. Иначе говоря, совет – это «коллективная организация производителей», которая охватывает всех людей, работающих сообща или, шире, имеющих одно занятие. Это важно, поскольку в условиях «прогрессирующей атомизации социальной жизни» в современных обществах рабочее место остается едва ли не единственным «фокусом коллективного», ключевой точкой общественной самоорганизации. К тому же пирамидальная система делегирования предоставляет возможность для объединения советов, созданных на рабочем месте, в более широкую коалицию, включающую в себя и географический принцип (вспомним Всероссийские съезды советов).

Другое важное преимущество советов – это отсутствие разделения между политической и экономической сферами. Советы могли параллельно выдвигать политические и экономические требования, скажем, бороться за политические свободы и одновременно за рабочий контроль над предприятиями, как это было во время Венгерского восстания 1956 г. или во время Первой русской революции: Всеобщая октябрьская политическая стачка начинается с забастовки типографских рабочих, требующих повышения зарплат и сокращения рабочего дня, а заканчивается Манифестом 17 октября [21, p. 111].

Каллиникос, как и Арндт, обратил внимание на спонтанность возникновения советов, которые не были изобретением интеллектуалов, но органично выросли из классовой борьбы низов. В XX в. мы каждый раз сталкиваемся с самоорганизацией «плебса» через советы в условиях мобилизации рабочего класса: так было в 1905 и 1917 гг. в России, в 1918 г. в Германии и в 1919 г. в Италии (Турин), в ходе гражданской войны в Испании (народное самоуправление в Барселоне), в 1956 г. в Венгрии, в 1968 г. во Франции, где во время «Красного мая» всеобщая забастовка на предприятиях опиралась на близкие советам формы («soviet-type forms»), а также отчасти в Польше 1980–1981 гг. – там в период появления независимого профсоюза «Солидарность» была крайне популярна идея рабочего самоуправления.

Рабочий контроль за предприятиями для Каллиникоса – это, пожалуй, единственная возможность демократизировать современную индустриальную экономику. Две другие альтернативы, традиционно противопоставленные друг другу: «приватизация vs. национализация», авторитарны по своей сути, разница только в том, что в первом случае все решения принимает владелец средств производства, а во втором – представитель государственной бюрократии.

Как и Макферсон, Каллиникос полагает, что система советов может быть соединена со «свободным соревнованием партий» – в этом месте он ссылается на Троцкого, который отмечал, что класс не является гомогенным сообществом, внутри него существуют противоречия и антагонизмы, которые удобно разрешать через партийную борьбу [21, p. 116].

Выводы

В последние десятилетия в политической теории популярны разговоры о кризисе либеральной демократии, основанной на принципе представительства и увязывающей политическое участие граждан, в первую очередь с голосованием за лидеров. В ситуации растущего отчуждения общества от политики и деградации публичной сферы активизируются поиски возможных альтернатив. И здесь обращение к опыту

советов может оказаться достаточно перспективным. Суммируя сказанное в предыдущих разделах, можно выделить по крайней мере три аспекта, которые представляются актуальными сегодня с точки зрения критической теории демократии.

1. Левые теории демократии часто пытаются уйти от идеи представительства в политике, поскольку оно неизбежно влечет за собой воспроизводство иерархий, неравенства и ситуации асимметрии власти. Эту мысль мы встречали у Арендт, Макферсона и Каллиникоса, она же лежит в основе разного рода концепций де бюрократизации, депрофессионализации политики, горизонтализма, федерализма (в прудоновско-бакунинском смысле) и пр. Конечно, советы – это не сетевая структура, но сама их конструкция, позволяющая на каждом уровне обсуждать общезначимые вопросы «лицом к лицу» и делегировать выше кандидатов, которые пользуются личным доверием избирателей, вполне вписывается в эту антиэлитарную логику. Идея советов заключается в том, что политический порядок строится снизу вверх, а не наоборот – не центральная власть формирует местные советы, а советы нижнего уровня делегируют своих депутатов на следующий и так складывается вся пирамида, от волости до Всероссийского съезда советов. При этом нижние этажи оставляют за собой «способность действовать и составлять мнение» [1, с. 373].

2. Современная парламентская модель основана на т. н. «свободном мандате», который не связывает депутата жесткими обязательствами перед своим электоратом, поскольку рассматривает его (даже в мажоритарных избирательных системах) скорее как представителя всей нации, а не конкретного округа. Именно поэтому избиратели не могут досрочно прекратить мандат своего депутата. В рамках борьбы за расширение подотчетности элит и «возвращения власти народу» сегодня активно обсуждается идея императивного мандата [32]. Например, испанская левопопулистская партия «Подemos» и итальянское движение «Пять звезд» включили этот пункт в свою программу. Как мы знаем, принцип императивного мандата был реализован в системе советов, а потому современное обсуждение его плюсов и минусов едва ли возможно без анализа этого опыта.

3. Одна из популярных идей в левой демократической теории – это тема т. н. «производственной» демократии, предполагающей разные формы самоуправления на рабочем месте, вовлечения работников в процесс принятия самых разных решений, вплоть до распределения прибыли, ведь принципы подотчетности, прозрачности, демократичности управления не должны ограничиваться только политической сферой. Невозможно построить по-настоящему справедливое общество, если люди, обладая политическими правами, одновременно находятся в ситуации экономического угнетения и бесправия на работе. Помимо Каллиникоса, о котором подробно говорилось выше, здесь можно сослаться на большой пул авторов, от К. Пейтмен, которая исследовала еще опыт рабочего самоуправления в социалистической Югославии [27], до Т. Пикетти с его идеей «партиципаторного социализма» [16]. Советы как институты участия предполагали возможность соединения экономической и политической демократии. Вопросы рабочего контроля, демократизации процесса управления предприятиями с самого начала стали частью дискурса о демократии советов, а сразу после революции 1917 г. были интересные эксперименты по реализации этих идей (например, когда управление фабрикой брал на себя фабрично-заводской комитет), к сожалению, быстро свернутые большевиками.

Понятно, что советы не являются уже готовой для использования в нынешних условиях формой демократии. Речь идет об отдельных идеях, практиках, элементах опыта коллективного самоуправления, которые в том или ином виде могут быть востребованы в современных дискуссиях о будущем демократии в мире. Для отечественного исследователя иметь перед глазами опыт советов, на мой взгляд, особенно важно. Так получилось, что в России не было сколько-нибудь впечатляющей гражданской традиции. Доминирующий тренд в ее политической истории был иным, тем ценнее обнаруживать и высвечивать какие-то начала, тенденции, которые не только не укладываются в автократический вектор развития, но и по праву могут

считаться серьезным вкладом нашей страны в демократическую теорию и практику. Как я попытался показать в своей статье, к советам сказанное относится в полной мере.

Список источников

1. Арендт, Х. О революции / Х. Арендт. – Москва : Европа, 2011. – 456 с.
2. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург : Азбука, 2016. – 221 с.
3. Берковиц, Р. Протест и демократия: Ханна Арендт и учреждение свободы / Р. Берковиц // *Stasis*. – 2018. – Т. 6, № 1. – С. 56–78. – doi: 10.33280/2310-3817-2018-6-1-36-55.
4. Волин, В. М. Неизвестная революция, 1917–1921 / В. М. Волин. – Москва : Праксис, 2005. – 606 с.
5. Грамши, А. Фабрично-заводские Советы и государство рабочего класса / А. Грамши // *Избранные произведения*: в 3 т. – Москва : Издательство иностранной литературы, 1957. – Т. 1: *Оридне нуво (1919–1920)*. – С. 19–262.
6. Губарь, А. И. Советы в годы первой революции в России (1905–1907 гг.) / А. И. Губарь // *Вестник Екатеринбургского института*. – 2017. – № 3 (39). – С. 30–34.
7. Дробышев, Г. А. Социалистические партии в Советах 1917 года: от сотрудничества к противоборству / Г. А. Дробышев // *Вестник Челябинского университета*. Сер. 1: История. – 1993. – № 1. – С. 19–29.
8. Кагарлицкий, Б. Ю. Долгое отступление / Б. Ю. Кагарлицкий. – Москва ; Берлин : Директ-Меда, 2023. – 332 с.
9. Ленин, В. И. Государство и революция / В. И. Ленин. – Москва : АСТ, 2020. – 512 с.
10. Ленин, В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии / В. И. Ленин. – Санкт-Петербург: *Наша мысль*, 1906. – URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/91870#mode/inspect/page/5/zoom/5> (дата обращения: 11.03.2025).
11. Люксембург, Р. О социализме и русской революции: избранные статьи, речи, письма / Р. Люксембург. – Москва : Политиздат, 1991. – 398 с.
12. Майр, П. Управляя пустотой: размывание западной демократии / П. Майр. – Москва : Институт Гайдара, 2019. – 209 с.
13. Макферсон, К. Б. Жизнь и времена либеральной демократии / К. Б. Макферсон. – Москва : Высшая школа экономики, 2011. – 174 с.
14. Манен, Б. Принципы представительного правления / Б. Манен. – Санкт-Петербург : Европейский университет, 2008. – 322 с.
15. Негри, А. Учреждающая власть. Трактат об альтернативах Нового времени / А. Негри. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2024. – 767 с.
16. Пикетти, Т. Краткая история равенства / Т. Пикетти. – Москва : АСТ, 2023. – 384 с.
17. Троцкий, Л. Историческое значение Совета рабочих депутатов / Л. Троцкий // *Сочинения*. – Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. – Т. 2: *Наша первая революция, ч. 2*. – С. 185–205.
18. Шанин, Т. Революция как момент истины: Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. / Т. Шанин. – Москва : *Весь мир*, 1997. – 554 с.
19. Шубин, А. В. От власти советов к партократии / А. В. Шубин // *Россия и современный мир*. – 2019. – № 2. – С. 6–26. – doi: 10.31249/rsm/2019.02.01.
20. Шубин, А. В. Советы, демократия и анархия в 1917–1918 гг. / А. В. Шубин // *Acta Eruditorum*. – 2018. – № 26. – С. 75–87.
21. Callinicos, A. *The Revenge of History: Marxism and the East European Revolutions* / A. Callinicos. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 159 p.
22. Callinicos, A. *Soviet Power* / A. Callinicos // *International Socialism*. – 1977. – № 103. – P. 7–13.
23. Dalton, R. J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality* / R. J. Dalton. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – 239 p.
24. Hibbing, J. R. *Stealth Democracy: Americans' Beliefs about How Government Should Work* / J. R. Hibbing, E. Theiss-Morse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 304 p.
25. Lomax, B. *The working class in the Hungarian revolution of 1956* / B. Lomax // *Critique: Journal of Socialist Theory*. – 1980. – Vol. 12, № 1. – P. 27–54.
26. Macpherson, C. B. *The Life and Times of Liberal Democracy* / C. B. Macpherson. – Oxford; New York : Oxford University Press, 1977. – 132 p.

27. Pateman, C. Participation and Democratic Theory / C. Pateman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1970. – 132 p.
28. Piketti, T. Capital and Ideology / T. Piketti. – Cambridge; London : Belknap Press, 2020. – 1069 p.
29. Pipes, R. The Russian Revolution 1899–1919 / R. Pipes. – Collins Harvill : London, 1990. – 944 p.
30. Priestland, D. Soviet Democracy, 1917–1991 / D. Priestland // *European History Quarterly*. – 2002. – Vol. 32, № 1. – P. 111–130.
31. Reed, J. Soviets in Action / J. Reed // *International Socialism*. – 1977. – № 69. – P. 19–23.
32. Tomba, M. Who's Afraid of the Imperative Mandate? / M. Tomba // *Critical Times*. – 2018. – Vol. 1, № 1. – P. 108–119. – doi: 10.1215/26410478-1.1.108.

References

1. Arendt, H. *O revolyutsii* [On revolution]. Moscow: Yevropa; 2011, 456 p.
2. Berdjajev, N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Saint Petersburg: Azbuka; 2016, 221 p.
3. Berkovic, R. Protest i demokratiya: Khanna Arendt i uchrezhdenie svobody [Protest and democracy: Hannah Arendt and establishment of freedom]. *Stasis* [Stasis]. 2017, vol. 6, no. 1, pp. 56–78, doi: 10.33280/2310-3817-2018-6-1-36-55.
4. Volin, V. M. *Neizvestnaya revolyutsiya, 1917–1921* [The unknown revolution, 1917–1921]. Moscow: Praksis; 2005, 606 p.
5. Gramshi, A. *Fabrichno-zavodskie Sovety i gosudarstvo rabocheho klassa* [Factory Councils and the Working-Class State]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Izdatelstvo inostrannoy literatury; 1957, vol. 1, pp. 19–262.
6. Gubar, A. I. *Sovety v gody pervoy revolyutsii v Rossii (1905–1907 gg.)* [Soviets during the first revolution in Russia (1905–1907)]. *Vestnik Yekaterininskogo instituta* [Bulletin of the Catherine Institute]. 2017, no. 3 (39), pp. 30–34.
7. Drobyshev, G. A. *Sotsialisticheskie partii v Sovetakh 1917 goda: ot sotrudnichestva k protivoborstvu* [Socialist parties in the Soviets of 1917: from cooperation to confrontation]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 1 "Istoriya"* [Bulletin of Chelyabinsk University. Series 1 "History"]. 1993, no. 1, pp. 19–29.
8. Kagarlitskiy, B. Yu. *Dolgoe otstuplenie* [A long retreat]. Moscow; Berlin: Direkt-Meda; 2023, 332 p.
9. Lenin, V. I. *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and Revolution]. Moscow: AST; 2020, 512 p.
10. Lenin, V. I. *Pobeda kadetov i zadachi rabochey partii* [The Cadets' Victory and the tasks of the workers' party]. Saint Petersburg: Nasha mysl, 1906. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/91870#mode/inspect/page/5/zoom/5> (accessed: 11.03.2025).
11. Lyuksemburg, R. *O sotsializme i russkoy revolyutsii: izbrannye stati, rechi, pisma* [On socialism and the Russian revolution: selected articles, speeches, letters]. Moscow: Politizdat; 1991, 398 p.
12. Mayr, P. *Upravlyaya pustotoy: razmyvanie zapadnoy demokratii* [Managing the Void: The Erosion of Western Democracy]. Moscow: Gaidar Institute; 2019, 209 p.
13. Makferson, K. B. *Zhizn i vremena liberalnoy demokratii* [The life and times of liberal democracy]. Moscow: High School of Economics; 2011, 174 p.
14. Manen, B. *Printsipy predstavitel'nogo pravleniya* [Principles of representative government]. Saint Petersburg: European University; 2008, 322 p.
15. Negri, A. *Uchrezhdayushchaya vlast. Traktat ob alternativakh Novogo vremeni* [Insurgencies: Constituent Power and the Modern State]. Saint Petersburg: Vladimir Dal.; 2024, 767 p.
16. Piketti, T. *Kratkaya istoriya ravenstva* [A Brief History of Equality]. Moscow: AST; 2023, 384 p.
17. Trotskiy, L. *Istoricheskoe znachenie Soveta rabochikh deputatov* [The historical significance of the Council of Workers' Deputies]. *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo; 1927, vol. 2, part 2, pp. 185–205.
18. Shanin, T. *Revolutsiya kak moment istiny: Rossiya 1905–1907 gg. – 1917–1922 gg.* [Revolution as a moment of truth: Russia 1905–1907 – 1917–1922 gg.]. Moscow: Ves mir; 1997, 554 p.
19. Shubin, A. V. *Ot vlasti sovetov k partokratii* [From Soviet power to partyocracy]. *Rossiia i sovremennyy mir* [Russia and Modern world]. 2019, no. 2, pp. 6–26, doi: 10.31249/rsm/2019.02.01.

20. Shubin, A. V. Sovety, demokratiya i anarkhiya v 1917–1918 gg. [Soviets, Democracy, and Anarchy in 1917–1918]. *Acta Eruditorum* [Acta Eruditorum]. 2018, no. 26, pp. 75–87.
21. Callinicos, A. *The Revenge of History: Marxism and the East European Revolutions*. Cambridge: Polity Press; 1992, 159 p.
22. Callinicos, A. Soviet Power. *International Socialism*. 1977, no. 103, pp. 7–13.
23. Dalton, R. J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. Oxford: Oxford University Press; 2017, 239 p.
24. Hibbing, J. R., Theiss-Morse, E. *Stealth Democracy: Americans' Beliefs about How Government Should Work*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004, 304 p.
25. Lomax, B. The working class in the Hungarian revolution of 1956. *Critique: Journal of Socialist Theory*, 1980, vol. 12, no. 1, pp. 27–54.
26. Macpherson, C. B. *The Life and Times of Liberal Democracy*. Oxford; NY: Oxford University Press; 1977, 132 p.
27. Pateman, C. *Participation and Democratic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press; 1970, 132 p.
28. Piketti, T. *Capital and Ideology*. Cambridge; London: Belknap Press; 2020, 1069 p.
29. Pipes, R. *The Russian Revolution 1899–1919*. Collins Harvill: London; 1990, 944 p.
30. Priestland, D. Soviet Democracy, 1917–1991. *European History Quarterly*. 2002, vol. 32, no. 1, pp. 111–130.
31. Reed, J. Soviets in Action. *International Socialism*. 1977, no. 69, pp. 19–23.
32. Tomba, M. Who's Afraid of the Imperative Mandate? *Critical Times*. 2018, vol. 1, no. 1, pp. 108–119, doi: 10.1215/26410478-1.1.108.

Информация об авторе

Летняков Д. Э. – кандидат политических наук.

Information about the author

Letnyakov D. E. – Candidate of Political Sciences.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.